

— Зачем об этом говорить? Я боюсь вежливости, не воспринимайте меня все время как тренера, лучше иногда просто поболтать, пошутить, разве не лучше? — Яо Е оскалился в улыбке, и его лицо, оказавшееся против света, нельзя было разглядеть, но эти белые зубы казались особенно яркими.

Лю Ян улыбнулся в ответ, опираясь на край кровати, чтобы встать. Увидев, что Яо Е собирается помочь, он поспешно замотал головой с улыбкой.

Поскольку тряс головой слишком быстро, окружающий пейзаж размылся, словно он мгновенно вернулся в ту бездонную бездну, в которую упал вчера вечером. Головокружение внезапно накрыло его, словно огромная рука сдавила желудок, и приступ тошноты пронзил его от пяток до макушки, содержимое желудка готово было вырваться наружу.

Лю Ян поспешно приложил руку ко рту, плотно зажимая его, и озирался по сторонам в поисках места, где можно излить эту гадость.

В следующую секунду он оказался в воздухе, поднятый за грудь.

Это движение пришлось ровно на то место, где грудь была сдавлена, и тело выгнулось горизонтально, содержимое рта вытекло сквозь пальцы. Лю Ян дрожал, стараясь сдержаться, но в итоге не выдержал и беззвучно вырвал всё на пол.

До двери в туалет оставалось всего два шага, но молодой господин Яо резко остановился, аккуратно опустил человека на пол, одной рукой обхватил талию сзади, а другой стал похлопывать по спине, иногда поглаживая снизу вверх, чтобы помочь откашляться.

Всё, что должно было выйти, — это лишь небольшая часть из того, что было во рту, — всё вылетело наружу. Лю Ян продолжал судорожно вырвать сухим желудком, но больше ничего не выходило. Однако рука, сжимавшая желудок, не отпускала его, сжимая без всякого жаления, словно желая вывернуть наружу все запасы.

Лю Ян плакал от сухого рвотного рефлекса, слезы и сопли текли ручьем, и в конце концов, кроме редких капель кислой воды, больше ничего не вышло.

Он не знал, сколько длилось это мучение, казалось, очень долго. В конце остался только его прерывистый тяжелый дыхание, громкое, как гром.

Уплывающее сознание постепенно возвращалось, и когда последняя слеза скатилась из глазника, он был настолько смущен, что не решался поднять голову.

В поле зрения.

Синие штаны, бронзовые бедра, икры, и вплоть до тех самых вымытых до белизны кроссовок — всё было покрыто тем, что он вырвал.

Лицо горело огнем.

Он тихо сказал:

— Прости.

Ему было жаль эту невинную ногу, пострадавшую от него.

— Всё? — тихо спросил Яо Е.

Увидев, как сгорбившийся человек сделал движение, похожее на кивок, он слегка надавил рукой и за несколько шагов занес его в ванную.

Он поставил его на пол и включил воду.

— Стоять можешь?

Кивок.

— Ну ладно, я пока помоюсь, — Он разжал руки и подошел к другой раковине, но, не выдержав, оглянулся еще раз.

Лю Ян продолжал прятаться как черепаха, личико почти касалось струи воды, оно было таким горячим, словно вот-вот загорится.

Набрав в рот воды, он зачерпнул воду руками и начал яростно плескать себе в лицо. Закончив, он понял, что больше ничего не делать, вспомнил, что не чистил зубы, и собрался выпрыгивать наружу.

— Куда? — Яо Е, снимая штаны, остановился на полпути и поднял на него глаза.

— Я, я еще зубы не почистил, — Глянув на темное пятно на синих штанах, Лю Ян невольно дернулся уголком рта. — Тот... простите, штаны и обувь оставьте тут, я постираю. И тут есть душ, горячей воды нет, будет немного холодно, но просто ноги помыть хватит. Простите, правда простите, я не нарочно, просто не выдержал, я...

Яо Е медленно натянул штаны обратно и выпрямился, глядя на него сверху вниз. Слова Лю Яна застряли у него в горле. Он знал, что Яо Е не ударит его и не будет ругать, но просто стоя там, он излучал нечто, что можно назвать остротой, пронзающей его насквозь и причиняющей боль, поэтому дальнейшие слова стали невозможны.

Лю Ян инстинктивно выпрямил спину, взгляд метался влево-вправо, пока наконец не остановился на синей футболке прямо перед грудью.

Футболка медленно опустилась, открывая глубокие ключицы, шею, подбородок и, наконец, пару глаз с улыбкой.

Яо Е уперся руками в колени и наклонился, чтобы посмотреть в глаза этому смущенному до горя мальчишке, и не мог не восхититься его удачей.

Он видел его мать, очень добрую и прекрасную женщину.

Его глаза были похожи на глаза матери — большие и живые, словно способные говорить, каждый взгляд был полон одухотворенности. До сегодняшнего дня каждый раз, когда их взгляды встречались, эти глаза словно говорили: «Я могу сделать хорошо, могу сделать еще лучше».

Его губы тоже были похожи на мамины — слегка полные, особенно нижняя губа была очень пухлой, и, глядя на них, можно было почувствовать эту мягкую, розовую влажность.

Нос... Яо Е не знал, на кого он похож, возможно, на отца. Прямой переносица, маленькие крылья носа, и в дыхании чувствовалась бурная жизненная сила.

Яо Е убрал одну руку, поддерживающую себя, и провел пальцем по его маленькому носу;

теплая жидкость мгновенно смазала его палец, на ощупь это было гладко и нежно.

Яо Е улыбнулся и хлопнул его по плечу:

— Я принесу.

Лю Ян почистил зубы и сам выпрыгнул наружу. На самом деле его нога была повреждена не сильно, и хотя он не мог заниматься активными видами спорта, он мог аккуратно ходить. Но Лю Ян решил, что должен притвориться, что ему больно, чтобы не задеть чрезмерную жалость кого-то.

Стоило ему только вспомнить, как в ванной тренер извинялся, пока он чистил зубы, и злился на себя, Лю Ян не мог заставить себя сказать, что может ходить.

Лю Ян чувствовал себя беспомощным. В наше время талантов всех видов не занимать, и хотя именно он страдал от головокружения, накопившегося за ночь, именно Яо Е внезапно подхватил его на руки. Но под давлением его мазохистского желания взять на себя большую часть ответственности, Лю Ян чувствовал, что может только подыграть его особой страсти и добросовестно помочь ему реализовать это.

В ванной вода шумела, Лю Ян лежал на подоконнике и смотрел наружу.

Свежий воздух с прохладой ударил в лицо. На горизонте уже показался золотой край света, половина неба была окрашена, намекая на голубой цвет. В поле зрения на стадионе горели огни, можно было услышать свисток и тяжелое дыхание атлетов — прекрасное, как небесная музыка.

Он любил такую жизнь, каждый день полностью заполненный тренировками, не нужно тратить душевные силы на размышления о правилах этого общества, просто усердно тренируйся, вкладывайся — и естественно получишь щедрое вознаграждение.

Внезапно Лю Ян очень захотел принять участие в соревнованиях. Не обязательно грандиозных, не обязательно с зрителями, только он и его соперник, стоящие на старте, принимающие последнюю позу перед стартом, напряженные мышцы, стиснутые зубы, глаза непоколебимо смотрят вперед, и в момент выстрела, словно сокол, разрывающий оковы, оставляют свой след в голубом небе.

Оглянувшись, фигура вошла в поле зрения: стройное, полное силы тело, острый взгляд, как у ножа, каждый шаг нес в себе легкость прыжка, приземление было очень легким, шуршащим звуком, несущим дыхание спорта.

Возможно, Лю Ян почувствовал, что нашел цель: старательно карабкаться вверх, и в один день, когда он окажется на той же высоте, провести с ним захватывающую гонку.

Взгляд Лю Яна на Яо Е постоянно менялся. Сначала это был тренер, затем спортсмен, а теперь образ товарища Яо Е шагал к образу нового, современного мужчины, уважающего старших и любящего младших, активного, трудолюбивого и отзывчивого.

Лю Ян в данный момент, прихрамывая на одной ноге и опираясь на стол одной рукой, делал вид, что останавливает чью-то уборку.

Тот человек держал швабру, был босиком, с каменно-зеленым лицом, наклонялся, чтобы мыть пол, и иногда поднимал взгляд, словно говоря: «Молодой господин сам захотел убрать, а ты,

старик, должен просто молиться богам и благодарить судьбу, а не болтать тут и раздражать людей».

Лю Ян смекнул и отправил юношу рыдать в три ручья, кланяться и благодарить великого господина Яо за его снисхождение до мытья суповых мисок ради такого полукалеки, как он, — за жертвоприношение, которое тронет небо и землю и останется в веках.

Таким образом, господин Лю, наглый, в маске полукалеки, спокойно сидел, как рыбак на лодке.

Таким образом, господин Яо, с отвращением на лице, но в душе распевающий, что «родина везде цветет», радостно наклонялся мыть пол.

Закончив уборку в комнате и увидев, что уже совсем светло, молодой господин Яо в грязной обуви повел его к врачу команды.

Врач была женщиной за тридцать, ранним утром только что открыла дверь и вошла в комнату, даже не успела как следует сесть, как увидела молодого господина Яо с солнечной улыбкой на лице и Лю Яна с странной ухмылкой.

С первого взгляда она уставилась на маленькую ножку Лю Яна, болтавшуюся в воздухе.

— Ножку ушиб?

— Угу, доктор Ци, поглядите, там ничего страшного? — Яо Е говорил и помогал ему войти внутрь.

<http://bllate.org/book/16608/1518632>